

О соотношении между герменевтикой и переводом¹

Вклад философии в изучение перевода

Вполне очевидно, что во Франции достижения последних тридцати лет в литературоведческих исследованиях, особенно в тех, которые касаются литературного перевода, многим обязаны идеям таких философов, как Антуан Берман, Жак Деррида, Поль Рикёр и Мишель Деги.

На самом деле, вслед за эпохой лингвистов, обнаруживших интенсивный интерес к переводу, как литературному, так и лингвистическому, в период после Второй мировой войны и до начала 70-х годов, что способствовало развитию «чистого» переводоведения, сначала в лингводидактике (ориентированной на преподавание иностранных языков), а затем в семантике и морфосемантике (исследования «Национального института восточных языков и культур»), пришло время философов, которые стали закреплять теоретическую основу «задачи переводчика», каковая явно выходит за рамки проблематики перехода с одного языка на другой. Таким образом, в 1980-е годы французская философия обеспечила становление особой области изучения литературного перевода, которую Антуан Берман назвал «переводоведением».

Удивительно, но к созданию основ нового направления исследований, анализа и даже практических действий Бермана, философа и филолога-германиста, подтолкнуло то состояние, в котором находился литературный перевод во Франции начала 80-х годов. Речь идет о целой

¹ Доклад на международной конференции «История и философия перевода во Франции и России в XX веке» (Санкт-Петербург, 27–28 мая, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, научный руководитель проекта С.Л. Фокин).

традиции литературного перевода, которую он называл «этноцентрической»: она берет начало в классических воззрениях Цицерона и ориентирована исключительно на перевод «смысла», как то провозглашал сам римский ритор... В самом деле, в историческом плане литературная Франция веками придерживалась если не этноцентрической переводческой позиции, то, по крайней мере, позиции классической, унаследованной из времен французского классицизма (времени формирования французского языка), который так или иначе восходит к идеям Цицерона.

В предисловии к переводу «Речей Демосфена и Эсхина» Цицерон первым из авторов определил перевод как операцию, производимую над смыслом. Высказав мысль, что его перевод — это труд писателя, автора (*auctor*), а не простого толкователя (*interpres*), он обосновал необходимость для читателя такого перевода, который подчиняется «манере языка» перевода (латыни), поскольку «предлагает ему не равное количество, а, так сказать, равный вес» (*Non enim adnumerare sed tanquam adpendere*)². В действительности Цицерон предполагал, что при авторском переводе мы удаляемся от оригинала в поисках лучшего перевода на другой язык. Вопрос о смысле здесь не раскрыт, но намечен. Намного позже святой Иероним (374—420 н.э.), переводчик Вульгаты, гораздо четче выразит ту же идею. С переводом *толкователя* (*interpres*) соотносится практика дословного перевода (не самая удачная: «когда я иду по стопам автора, звучание получается неясным»). С переводом *писателя* (*auctor*) соотносится определенный уровень литературной свободы: в этом случае переводить, во всяком случае, светские тексты (но не религиозные, ибо здесь «если я отхожу от буквы, мне кажется, что я предаю автора»), значит следовать идее перевода «*non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu*»³. Разделение, предложенное Иеронимом, полностью себя оправдывает тем, что буквальный перевод часто имеет «неясное звучание», с чем трудно не согласиться. Единственной альтернативой этой неясности может быть, по мнению покровителя переводчиков, только перевод смысла.

Это утверждение доминировало на протяжении многих веков. При этом перевод все больше приближался к интерпретации «содержания», значения, того, что *имелось в виду*, а не того, что *сказано*; таким образом, задача переводчика состояла, да и сейчас состоит в том, чтобы доказать, что он *понял* смысл текста. И единственным способом сделать это был и остается перевод, нацеленный на язык перевода (язык-цель), как и предписывал Цицерон. Таким образом, во Франции и в других странах перевод стал преимущественно *этноцентрическим*, при этом переводчик, обязуясь не оставлять амбивалентностей в тексте, порой вы-

² *Cicéron. Du meilleur genre d'orateurs / Traduction d'Henri Bornecque. Paris: les Belles lettres, 1921. P. III.*

³ «Не слово словом, но смысл смыслом». Цит. по: *Larbaud V. Sous l'invocation de Saint Jérôme. Paris: Gallimard, 1946. P. 48.*

нужден подвергать текст сверхинтерпретации. Вместе с тем для самого переводчика перевод смысла является вполне герменевтической операцией, интерпретацией смысла или даже символов.

Именно такой практике Антуан Берман противопоставил *переводоведение*, где переводы анализируются в свете совершенно иного критерия, хотя, как это ни парадоксально, Берман все равно называет его герменевтическим. В своих исследованиях он ссылается на Гадамера, Бенъямина, Хайдеггера и Стайнера, но основная направленность его работы — *этическая*: «суть перевода в том, чтобы стать раскрытием, диалогом, метисацией, децентрацией»⁴. И в этом — вся разница, или различие.

Действительно, основываясь на работах Вальтера Бенъямина и трудах немецких романтиков, в частности, Шлейермахера, Гёльдерлина Гердера, Антуан Берман преподносит перевод как раскрытие навстречу Другому, что подразумевает некий парадокс: речь идет одновременно и об отречении от родного языка (т.е. языка перевода), и о верности ему. Дело идет в конечном счете о расширении границ родного, или материнского, наречия и обогащении его за счет языка Другого, иностранного. (как говорил Гёльдерлин: «свое должно быть так же хорошо познано, как и чужое»).

Герменевтика

В чем же заключается идея такой позиции, которая относится к герменевтике, но пытается противостоять переводу смысла? Чем герменевтика отличается от семантической интерпретации?

Нет никакого сомнения в том, что в основе работ Бермана лежит философия Шлейермахера. Философское переводоведение Бермана исходит из идей немецких романтиков, в которые Вальтер Бенъямин вдохнул новую жизнь.

Само определение герменевтики, данное Шлейермахером в «Академических речах», с которыми он выступал в Прусской академии наук в 1829 году, сводится к следующему: герменевтика есть «понимание чужой речи»⁵. Таким образом, он определяет объект искусства интерпретации, исходя при этом не из понятия множественности фиксированных на письме смыслов, а из концепта «нечто чуждое», что должно быть понято⁶. После Шлейермахера и его известной максимы, гласящей, что «герменевтика начинается там, где нет понимания», задача герменевтики заключается, в основном, в том, чтобы подходить к проблеме понимания, отталкиваясь от феномена непонимания или недоразумения.

⁴ Berman A. L'Épreuve de l'étranger. Paris: Gallimard, 1984. P. 16.

⁵ Schleiermacher F. Des différentes méthodes du traduire / Trad. Antoine Berman. Paris: Seuil, 1999. P. 178.

⁶ Ibid. P. 178.

Таким образом, Шлейермахер заложил основы общей герменевтики, которую он освободил от задач теологии, филологии и юриспруденции, сосредоточив эту дисциплину на самом акте понимания. Согласно теории Шлейермахера, любой знак, оказавшийся чуждым, становится объектом интерпретации, то есть объектом философской теории понимания. Как впоследствии для Бермана, герменевтика для Шлейермахера — это *критика*, «поскольку сам акт интерпретации должен позволять отличить истинный смысл от ложного и вынести суждение о тексте или событии»⁷. Позже, благодаря Хайдеггеру, герменевтика была возведена в ранг философских теорий. Он вписал ее на онтологический уровень, переведя проблематику интерпретации из области текстов к структурам существования.

По всей видимости, Гадамер опирается как на Шлейермахера, так и на идеи Хайдеггера. В капитальном труде «Истина и метод» он, в частности, замечает: «Главной сферой философской герменевтики является язык, поскольку это универсальная среда, в которой происходит само понимание, а интерпретация — это способ осуществления понимания»⁸.

Герменевтика и литературный перевод

В статье «Парадигма перевода», опубликованной в 1999 г. в журнале «Esprit», Поль Рикёр говорит о двусмысленности самого процесса перевода: «можно говорить о переводе в узком смысле слова, как о передаче словесного сообщения с одного языка на другой; а можно рассматривать его в широком смысле, как синоним интерпретации всей совокупности означающих внутри одной лингвистической общности»⁹. Так, слово «интерпретировать» часто используют как для обозначения процесса экстралингвистического перевода, так и для внутриязыковой операции, в которой речевая деятельность относится на второй план. В общем и целом, речь идет о том, что Роман Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» определил как перевод внутриязыковой (переименование) — «интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» и перевод межъязыковой (собственно перевод) — интерпретация вербальных знаков какого-либо другого языка»¹⁰. Что означает, что к переводу (*Übersetzung*) относится также и трансформация фигур бессознательного в сновидческие образы или трансформация этих образов в речь (Фрейд).

⁷ Wilhelm J.E. Herméneutique et traduction: la question de «l'appropriation» ou le rapport du «propre» à «l'étranger» // Méta. 2004. № 4. Vol. 49. P. 770.

⁸ Gadamer H.-G. Vérité et méthode / Trad. P. Fruchon et al. Paris: Seuil, 1976. P. 235.

⁹ Перепечатано в книге «О переводе» (2004): Ricœur P. Sur la traduction. Paris: Bayard, 2004. P. 21.

¹⁰ Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Пер. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 17.

Исходя из этого, можно проследить путь, приведший Бермана к созданию аналитического метода, основанного на герменевтике, то есть к созданию критики перевода, призванной исследовать особенности литературного перевода.

Идеи Бермана во многом сходятся с идеями Шлейермахера, особенно в том, что касается «чуждости» (это понятие может быть истолковано на нескольких уровнях), равно как и с рассуждениями Гадамера и Рикёра.

Так, в работе «Испытание чуждостью» Берман повторяет переводческий парадокс, высказанный Шлейермахером и подхваченный Полем Рикёром. Этот парадокс заключается в том, что переводчик все время стоит перед дилеммой — либо «привести читателя к автору», либо «привести автора к читателю»¹¹. Эта мысль совпадает с задачей герменевтики, как ее определил Гадамер: эта задача основана на сознании «полярности между своим и чужим»¹².

Говоря о том, что перевод — это парадоксальный опыт, который сводится к «служению двум господам: чужому языку в его чуждости и своему читателю в его желании присвоить что-то новое», Рикёр затрагивает сразу несколько вопросов. С одной стороны, он ниспровергает классическую идею, согласно которой «понять» — значит «прояснить» (она лежит в основе господствующей этноцентрической теории): в этом отношении акцент ставится на том, что текст оригинала, то есть текст чужой, достоин особого внимания; но Рикёр ставит также вопрос об апроприации, что сближает его позицию с идеями Джорджа Стайнера, к которым мы обратимся позднее.

Шлейермахеру герменевтика виделась «искусством избегать непонимания» в том смысле, что это подразумевало устранение «при помощи методичного и взвешенного размышления всего чуждого, вызывающего непонимание, обусловленное удаленностью во времени, изменениями языковых обыкновений, преобразованиями значений слов и образа мыслей»¹³. В принципе в этой программе имелись в виду те трансформации, которым подвергается язык переводчика по отношению к оригиналу, о чем также говорил Вальтер Беньямин в «Задаче переводчика», но это ни в коем случае не подразумевало интерпретации на языке перевода.

С другой стороны, апроприацию не стоит смешивать с той нерефлексивной *аннексией* чужого, которую Анри Мешонник вменял в вину французским переводчикам, следуя в этом Ницше, говорившим то же самое в «Веселой науке»... Апроприация есть оценивание контекста и осуществляется, по словам Поля Рикёра, «по здравому рассуждению»¹⁴. Как замечает на этот счет Джейн Элизабет Вильхельм: «Настоящая встреча

¹¹ *Schleiermacher F.* Op. cit. P. 15.

¹² *Gadamer H.-G.* Vérité et méthode. P. 135.

¹³ *Schleiermacher F.* Op. cit. P. 31.

¹⁴ *Ricœur P.* Le conflit des interprétations. Essais d'herméneutique. Paris: Seuil, 1969. P. 180.

и принятие через познание происходит не иначе, как через инакость, каковая сначала испытывается, затем преодолевается, то есть за счет *дистанции*¹⁵. «Главная задача герменевтики», которую Поль Рикёр связывает с понятием «мира текста», «уходит от альтернативы между генеалогией и структурой»¹⁶. *Дистанцирование*, которое должно быть частью герменевтического опыта, является для Поля Рикёра условием любого понимания. В сущности дистанцирование и самопонимание осуществляются через кружение вокруг Другого, которое выливается в поиск субъективности, который чрезвычайно важен для концепции Бермана. В сущности, именно текст, являясь необходимой стадией опосредования, позволяет интерпретатору (равно как и переводчику), понять самого себя. Это понимание себя должно формироваться «самим текстом» или «миром произведения». В «Конфликте интерпретаций» Рикёр замечает: «Наконец, сама работа интерпретации обнаруживает глубокий замысел — преодолеть дистанцию, культурное отдаление, уравнивать читателя со ставшим чужим текстом, и таким образом включить смысл текста в то наличное понимание, которое человек может иметь о самом себе»¹⁷.

Апроприация позволяет бороться с культурной дистанцией, она сближает, дает возможность «освоить то, что ранее было чужим». Процессы осваивания и передачи своего другому: «понять значит понять самого себя перед текстом: не навязывать тексту свою конечную способность к пониманию, но открыться навстречу тексту и получить от него возможность обогащения “самости”»¹⁸. Такая задача вписывается в философское переводоведение Бермана: философу необходимо перейти к *критике* (не в том смысле, как ее понимал Кант) переводов в связи со становлением субъективности, иначе говоря, необходимо изучить позицию переводчика в самом процессе учреждения мысли, в ходе которого *субъект открывается самому себе*. Очевидно, что такой подход подразумевает напряженный интерес к переводчику, или, скорее, к переводящему субъекту, что характерно также для эпохальной книги Дж. Стайнера «После Вавилона» (1978), равно как для уже классической «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина. Дело идет о том, что мы должны задаваться вопросами о самоидентификации переводчика, о становлении его переводческой позиции, о компромиссе между тем, как переводчик воспринимает себя в виде субъекта, охватенного *Übersetzungstrich*¹⁹ (Шлегель), и его переводческим проектом и горизонтом. Важно понять, как переводчик «ставит себя» в отношении к переводу, не впадая в такие зыбкие характеристики, согласно которым его будто бы отличают «бесформенность хамелеона, капризы свободы и со-

¹⁵ Wilhelm J. E. Op. cit. P. 773.

¹⁶ Ricœur P. Du texte à l'action. Paris: Seuil, 1986. P. 113.

¹⁷ Idem. Le conflit des interprétations. P. 8.

¹⁸ Idem. Du texte à l'action. P. 116–117.

¹⁹ Нем. «зуд перевода».

бланы отсутствия»²⁰. В целом, важно понять, какова его позиция как «существа-в-языках» — автономная или гетерономная; каково его отношение к требованиям оригинала.

Другой аспект переводоведения, говоря конкретно, состоит в изучении восприятия перевода, которое включает в себя анализ рассуждений переводчика, его переводческого проекта (который выводится из самого перевода), а также суждений критиков. Таким образом, Берман подхватывает идею Бенямина о видоизменении оригинала во времени. Теория рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса позволяет ему проанализировать факторы, составляющие горизонт ожиданий переводчика (состояние литературы, культуры, время, отношение к норме, состояние критики...).

Полемика: герменевтика против поэтики

С другой стороны, герменевтика, которая принимается за основу, не мешает Берману интересоваться текстом как таковым. В работе «За критику переводов: Джон Донн» (1990) философ предлагает целую методику анализа, основанную на внимательном прочтении текстов оригинала и перевода. Так, предварительный анализ текста необходим, поскольку он позволяет выделить проблемные зоны оригинала, а также его про-содические и стилистические характеристики, ключевые слова, которые впоследствии необходимо обнаружить в переводе.

Идеи Бермана не столь разительно отличаются от идей Анри Мешонника, хотя сам философ все время дистанцировался от последнего. Со своей стороны Мешонник, выступая за поэтику перевода, не приемлет методологии философской герменевтики.

При этом, если обратиться к еще одному философскому труду о переводе, а именно работе Поля де Мана, посвященной проблематике литературного перевода, оппозиция поэтика/герменевтика может показаться более очевидной.

Исходя из различия между смыслом и коннотацией, имеющего определяющее значение для литературы, Поль де Ман заявляет: «Когда вы занимаетесь герменевтикой, вы работаете со смыслом произведения; когда вы занимаетесь поэтикой, вы имеете дело со стилистикой и описываете ту манеру, посредством которой произведение производит значение. Вопрос в том, могут ли эти два подхода дополнять друг друга, можете ли вы полностью описать произведение, используя одновременно герменевтику и поэтику. Опыт показывает, что это случается далеко не всегда». После чего добавляет: «Проблемы значения столь интересны, что становится невозможным заниматься одновременно и поэтикой, и герменевтикой»²¹.

²⁰ Berman A. Pour une critique des traductions: John Donne. Paris: Gallimard, 1995. P. 75.

²¹ De Man P. Autour de la Tâche du traducteur. Paris: Théâtre Typographique, 2003. P. 33.

Было бы также небезынтересно рассмотреть идеи самого Мешонника, который, перенимая этическую позицию Бенямина, выступает за отход переводчика от «этноцентризма» («децентрирование перевода»), но сами переводы анализирует, исходя из задач поэтики, а не герменевтики. Действительно, для Мешонника только поэтика может предоставить критический инструментарий, позволяющий осмыслять перевод в виде отношения к инакости в литературе. Эта инакость соотносится в его концепции с устностью и, следовательно, с понятием ритма, которое лежит в основе всех его разборов различных переводов, так и собственных опытов поэтических переводов (в основном, библейских текстов). Мешонник отвергает само понятие «переводоведение», предложенное Берманом, поскольку этот термин означает науку перевода; но самое главное в том, что он отвергает рассмотрение перевода в понятиях герменевтики, сосредоточенной вокруг проблематики смысла и значения и не принимающей во внимание проблемы литературной формы. Он согласен, что любое рассуждение о смысле предполагает разделение формы и содержания. Но в его концепции перевод должен рассматриваться на том же уровне, что и сама литература, письмо, дискурс; он отказывается сводить его к вопросам перехода с одного языка на другой и уж тем более к проблематике значения текстов.

Любопытно, что в конечном итоге Берман и Мешонник сходятся в том, что выступают против однозначной интерпретации статьи Бенямина «Задача переводчика», для которого, напомним, *перевод — это*, прежде всего, *форма*. При этом, если немецкий философ и рассматривает данный вопрос с точки зрения лингвистики, он отказывается противопоставлять язык и речь²². Впрочем, текст Бенямина может навести на мысль, что сверх требования дословности (или отношения к чуждости) переводчика характеризует также стремление к прозрачности. Однако такое восприятие опровергается тем толкованием, которое Бенямин дает опыту Гёльдерлина: он считает его образцовым переводчиком, но «дословность», которой ищет немецкий поэт, имеет мало общего с буквализмом.

Как бы то ни было, для Мешонника децентрирование перевода подразумевает гомологию перевода и письма. Субъект перевода не является прозрачным и должен взять на себя роль писателя: «Чем больше переводчик вписывает свою субъективность в перевод, тем в большей степени, как это ни странно, процесс перевода может стать продолжением текста»²³. В действительности Мешонник нацеливается на «великий перевод», достичь которого нелегко: условиями для него должны быть сохранение ритма, устности, дискурсивности оригинала, то есть принятие во внимание субъекта. В конечном счете, речь идет о «субъективации

²² Подробнее об этом: *Oseki-Dépré I. De Walter Benjamin à nos jours*. Paris: Honoré Champion, 2006.

²³ *Meschonnic H. Poétique du traduire*. Paris: Verdier, 1999. P. 27.

речи, в ходе которой и складывается субъект»²⁴. Таким образом, литературный перевод не только сопричастен творческому процессу, но непосредственно восходит к поэтике (где содержание и форма неразделимы), но не имеет ничего общего с герменевтикой; иными словами, перевод относится к теории и практике единичности, а не к философии.

После Вавилона

До этого момента утверждение Поля де Мана о невозможности примирения поэтики и герменевтики только подтверждалось. Но если пристальнее рассмотреть и знаменитое сочинение Джорджа Стайнера «После Вавилона», которое стоит у истоков нашей проблемы, особенно главы первую и пятую, станет очевидно, что не все так просто. По Стайнеру, феномен перевода изначально связан с феноменом понимания. В целом, в теоретическом плане с этим трудно спорить: познание, опыт, греза; все эти операции сознания могут все быть уподоблены переводу, и *процесс понимания* — здесь Стайнер категоричен — восходит к интерпретации: все примеры, которые он приводит, требуют интерпретационного анализа (эпохи, обычаев, автора), то есть все это необходимо, чтобы корректно перевести в XXI веке, например, текст Шекспира. В пятой главе Стайнер проводит глубокий анализ того, что он называет «герменевтическим маршрутом» переводчика, который подразделяется на четыре этапа: вера (момент, когда он думает, что «понимает» текст), агрессия (или сопротивление), порыв («когда он присваивает текст оригинала, превращая его в нечто знакомое») и «возврат поршня», что соответствует финальной фазе перевода, другими словами, когда оригинал и перевод приходят в равновесие.

Итак, очевидно, что переводчик, так или иначе, является толкователем, экзегетом, то есть он может быть верен своему тексту только в том случае, если приложит все усилия к «восстановлению равновесия сил, тех насыщенностей текста, которую его понимание-присвоение нарушило». И далее: «на формальном уровне и в моральном плане все должно согласоваться»²⁵. Стайнер рассматривает крайние переводческие опыты: Гёльдерлин и его «дословный» перевод, который пытается «остаться внутри текста-источника» и далек от упрощенного буквалистского перевода, даже наоборот: «переводы Гёльдерлина являются самым дерзновенным и самым совершенным примером герменевтического проникновения и герменевтической аннексии». И далее: «Гёльдерлин заходит дальше любого филолога, любого грамматика, любого другого переводчика в фанатичном поиске универсальных корней *поэтики и поэтической речи*» (курсив наш. — И. О.-Д.)²⁶.

²⁴ Ibid. P. 50.

²⁵ Steiner G. *Après Babel*. Paris: Albin Michel, 1978. P. 283–284.

²⁶ Ibid. P. 299, 302.

Стайнер доходит даже до такого утверждения: «когда язык задействован до самой сути, значение становится содержанием, которое не укладывается в парафразу», то есть в простое понимание текста. Проникновение в смысл такого текста может происходить не иначе, как через ряд одномоментных «вторжений». Это и есть понимание в смысле *Understand*, то есть что-то вроде «значение значения»²⁷. На этом этапе тесного взаимодействия переводчика и оригинала случается, что переводчик чувствует себя чужим одновременно и по отношению к тексту оригинала, и к тексту своего перевода. Тогда вступают в борьбу два принципа: «постижение на гребне сопротивления, усилие для точного очерчивания и передачи инакости оригинала» и «избирательное средство», которое соответствует «непосредственному пониманию и приспособлению»²⁸.

Таким образом, мы приближаемся к последнему этапу «герменевтического маршрута» переводчика — «возврату поршня», который для переводчика означает обретение равновесия через верное, правильное восстановление оригинала. Разумеется, перевод позволяет оригиналу выжить во времени и пространстве, но паритет или равновесие между двумя текстами выходит за рамки оснований морального выбора, соответствуя «связи адекватности текста тексту», где «верность» является, по сути, «делом техники»²⁹. Совершенный перевод мог бы стать примером абсолютной синонимии. Это предполагает столь доскональную интерпретацию, что она должна, с одной стороны, передать самые мельчайшие черты текста-источника (фонетические, грамматические, семантические или контекстуальные), и, с другой — быть настолько выверенной по оригиналу, что не оставит никакой возможности на парафразу, экспликацию и варианты. Тем не менее возникает следующий вопрос: если принять позицию Стайнера, то в чем разница между герменевтикой и поэтикой? Ведь если понимание включает поэтический анализ текста и его интенций, то такой подход не может ограничиться областью интерпретаций значений, если только не понимать само значение в самом широком смысле, то есть литературном и поэтическом.

Для Умберто Эко границы интерпретации находятся на уровне интенций произведения (*intentio operis*), поскольку даже если Поль Валери был прав, говоря, что «в тексте нет никакого истинного смысла», то все равно все множество возможных интерпретаций зависит только от текста³⁰. А это близко позиции Стайнера, утверждавшего, что настоящей целью «совершенного читателя» является поиск, по мере возможности, всех тех интенций, что доминируют в тексте³¹.

²⁷ Ibid. P. 347.

²⁸ Ibid. P. 362.

²⁹ Ibid. P. 363.

³⁰ Eco U. Les limites de l'interprétation. Paris: Grasset, 1999. P. 29.

³¹ Steiner G. Après Babel. P. 19.

Предварительные итоги

Позиция Поля де Мана не выдерживает метакритики, причем обнаруживается, в том числе из вышеизложенных положений, что современная герменевтика — это, *в том числе, и поэтическая операция*. Понять *intentio operis*, как того хочет Умберто Эко, или осуществить аналитическое прочтение литературного произведения, принимая во внимание контекст (время и пространство) его написания и его внутреннюю организацию (то есть сочетание контекстуального и имманентного анализа текста), что делает Джордж Стайнер, — обе эти установки все равно подразумевают некую поэтику процесса перевода, внимательное прочтение, одновременно и проницательное, и художественное.

Следовательно, если согласиться, что понять литературный текст — значит воссоздать его на языке перевода в изоморфном отношении к оригиналу, то противоположные позиции (Хайдеггер против Якобсона) непременно сойдутся, и исходная оппозиция теряет свой смысл.

Перевод с французского Анастасии Высокок